

ВЫСТУПЛЕНИЕ РЕКТОРА УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ “БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ” Б.В.СВЕТЛОВА

Предпосылки формирования новых культурных ценностей в недрах техногенного общества

При характеристике белорусско-казахстанских культурных связей нет необходимости прибегать к образу целины, понимаемой как нетронутое пространство, требующее интенсивной обработки. Было время, когда не метафорическая, а подлинная целина стала объектом возделывания со стороны сообщества энтузиастов из разных уголков Советского Союза, в том числе из Беларуси. Однако не целина сама по себе объединила молодых людей, а идея культурной ценности первопроходчества, освоения необжитого пространства, философия фронта, с успехом овладевшая массами, благодаря техническим средствам установления коммуникационных связей и распространения информации. Тогда в очередной раз проявилась закономерность, в соответствии с которой возникновение нового сообщества обуславливается техногенными факторами. В какой степени это утверждение справедливо сегодня для нас – участников форума, преследующего цель создания (или воссоздания) и развития белорусско-казахского культурного сообщества?

Техногенная цивилизация развивается уже более четырех столетий и за это время сумела создать свою сферу культурных ценностей, ориентированных на полюс рационального мироустройства. Однако сегодня, в период мирового экономического кризиса, становится очевидным, что наступает эпоха отхода от фундаментальных ценностей техногенного общества. Стрелка воображаемого компаса

начинает вращаться в разные стороны в поисках новой стратегии человеческой жизнедеятельности, нового типа цивилизационного развития. Как справедливо отмечает В.С.Степин, “важно, критически осмысливая базисные ценности техногенной культуры, выяснить, как они могут сегодня видоизменяться и каковы предпосылки их трансформации. Новая цивилизация, если она возникает, должна вырастать из современной. А это значит, что предпосылки нового культурно-генетического кода должны формулироваться в недрах современных состояний техногенной культуры” [4, с. 10].

Всемирная история тоже свидетельствует, что появление каждого общества нового типа, как правило, обусловлено техническими факторами. Среди этих факторов значительную роль играет прогресс технических средств, обеспечивающих коммуникацию между индивидами и обмен информацией между ними. Чем совершеннее становятся средства информации и коммуникации, тем большее количество индивидов они способны объединить в сообщество. При этом сами технические средства информации и коммуникации стремятся к уменьшению в размерах.

До определенной степени это утверждение является верным относительно и всемирной информационной сети Интернет. Именно благодаря ей вот уже несколько десятков лет происходит формирование интернет-сообщества путем объединения индивидов посредством мультимедийных компьютеров и проводных или беспроводных каналов связи, которые эти компьютеры соединяют. У этого сообщества постепенно складываются своя культура глобализма, своя идеология, политика, религия, искусство, мораль, наука, философия. Если бы не было всемирной паутины, глобализм был бы просто очередной утопией конца XX в. Однако сегодня все социальные процессы, так

или иначе связанные с понятием глобализации, ищут и находят техническую опору во всемирной информационной сети.

Что касается тенденции миниатюризации средств информации и коммуникации, то она наиболее ярко проявляется в эволюции мобильных телефонов. Телефон (немобильный) в своем первоначальном виде был средством коммуникации в чистом виде, приемно-передаточным устройством, не имеющим памяти. Родовым признаком компьютера являлись память и возможность совершения различного рода операций с информацией, в ней содержащейся. В пору своего рождения компьютер не был приемно-передаточным устройством, средством коммуникации, но зато он был информационным устройством в чистом виде. Сочетание телефона с компьютером позволило создать средство информации и коммуникации – мультимедийное устройство, объединенное со своими техническими аналогами посредством проводной или беспроводной сети.

При этом компьютеры стали уменьшаться в размерах (мини-ноутбуки), а мобильные телефоны трансформироваться в персональные мультимедийные средства связи типа iPhone. Появилось целое семейство так называемых гаджетов, в тех или иных сочетаниях экспериментирующих с мультимедийными технологиями.

Было бы несправедливо считать, что до наступления эры Интернета компьютеры не были объединены в сеть. Просто это было объединение, в котором функцию связующего звена выполняло не оптоволокно, а простое человеческое общение между операторами. Это была сеть не техническая, построенная по принципу “от человека – к компьютеру, от компьютера – к компьютеру, от компьютера – к человеку”, а существующая благодаря тому, что носитель информации, т.е. дискета (или компакт-диск), извлекался из компьютера

оператором и передавался оператору, который и загружал его в компьютер. Такая традиционная сеть распространения мультимедийных носителей информации существует и сегодня наряду с сетью технической и проявляет себя в сложной системе распространения носителей информации, например через традиционную торговую сеть.

Главное, что было достигнуто при замене традиционной сети на техническую, – это увеличение скорости передачи и объема информации. Однако как любое техническое достижение, вносящее вклад в развитие цивилизации, распространение мультимедийных, в том числе и интернет-технологий, инициировало появление новых культурных ценностей. Набравший сегодня силу процесс мультимедизации социального пространства позволяет говорить о появлении мультимедийной культуры, идущей на смену информационной культуре начала компьютерной эры. Отличие мультимедийной культуры от информационной состоит в смещении центра тяжести от рационального типа общения в сторону эмоционального типа.

У П.А.Сорокина находим близкие мысли о том, что главный вопрос нашего времени – не противостояние демократии и тоталитаризма, свободы и деспотизма, капитализма и коммунизма, пацифизма и милитаризма, интернационализма и национализма, а противостояние чувственной формы культуры и образа жизни другим формам [3]. Как отмечает К.М.Долгов, этот мыслитель “полагает, что современный кризис представляет собой разрушение чувственной формы западного общества и культуры, за которым последуют новая интеграция и новая культура – идеациональная или идеалистическая” [1]. Запомним эту “новую идеациональную или идеалистическую культуру”, однако до поры до времени

оставим ее и вернемся к понятию мультимедийной культуры.

С позиций технического знания мультимедиа – это современная компьютерная информационная технология, позволяющая объединить в компьютерной системе текст, звук, видеоизображение, графическое изображение, анимацию и воздействовать не только на зрение и слух, но и на обоняние и осязание реципиента. С точки зрения гуманитарного знания мультимедиа – новый тип взаимодействия между членами общества. Это культура (от лат. *cultus* – возделывание, обрабатывание), укоренившаяся по всему полю межличностных отношений, “возделываемому” людьми.

В истории нередко были случаи как обожествления, так и демонизации техники, о чем неоднократно предупреждали художественные произведения в жанре *fantasy*, в том числе и в отношении мультимедиа, как, например, кинотрилогия “*Matrix*” братьев Вачовски. На самом деле за мультимедийной техникой всегда стояли люди, осуществляющие межличностное общение, реализующие интерперсональные связи, “обрабатывающие”, “возделывающие” природу друг друга при помощи мультимедиа.

Мультимедиа – это многоканальная среда, воздействующая на все органы человеческих чувств, а мультимедийная культура – это процесс такого воздействия в пространстве и времени. По мультимедийным каналам в процессе межличностного общения передаются культурные ценности, но не в их традиционном виде, материальном исполнении, а развеществленные, распределенные и представленные в виде информации. Информация – это данные о культурных ценностях, которые, будучи системно обработанными и получившими определенную структуру, предстают как знания. Передача информации в абсолютно

чистом виде возможна только при фантастическом допущении возможности “общения” одного компьютера с другим. При передаче информации от человека к человеку по мультимедийным каналам к ней добавляются эмоции индивида. Сначала информация кодируется вместе с “примесью” эмоций одного участника коммуникационного процесса, а затем декодируется при помощи энергии эмоций другого участника. Облекая информацию в эмоциональную форму, синтезируя эмоциональное и рациональное начала, индивидуальное и общественное, личность действует по воле чувств и творит образы.

Мультимедийная культура есть технология кодирования, передачи и декодирования образов в отличие от информационной культуры как механизма, передающего только информацию, воздействующую на разум. Для того чтобы проникнуть в разум, “дойти до ума”, информация должна воздействовать на органы чувств. Потребляемая в чистом виде информация способна нанести травму сознанию. Вот почему в рамках информационной культуры возникает культура мультимедийная как ответ на общественную потребность предохранения от подобной травмы. При этом, как уже было сказано ранее, объем и скорость обмена информацией не снижаются, а еще более увеличиваются. Происходит это в результате технического открытия возможности сжатия/развертывания информации. Еще более интересен и требует внимания и объяснения аналогичный процесс в гуманитарной сфере, когда появляются, с одной стороны, экранизации литературных произведений, а с другой – издания типа “Гегель за полчаса”.

Впрочем, явление это далеко не новое, если вспомнить о том, что С.Эйзенштейн собирался экранизировать “Капитал” К.Маркса, а А.М.Горький уверял, что всю

классическую русскую литературу XIX в. можно сжать до размеров выражения “Долой самодержавие!”.

Мультимедийная культура является социальным механизмом, транслирующим эстетическую информацию, которую следует трактовать как образ, как единство реального и потенциального, эмоционального и рационального, как содержание, представленное в чувственной форме. Понятием для обозначения совокупности таких образов может служить термин “виртуальная реальность”. Виртуальная реальность до определенной степени напоминает сорокинскую “новую идеациональную культуру” как интеграцию чувственной формы культуры и образа жизни с другими формами. Новизна в данном случае относительная, так как на самом деле чувственное и рациональное начала никогда не “расставались” друг с другом.

Рационализации культуры всегда предшествовала чувственная форма ее существования, а в теории познания эстетика выступала как гипотеза логики. Сфера культурных ценностей никогда не существовала без эмоционального полюса, а чувственная форма культуры была скорее центром этой сферы, моментом равновесия между полюсами, гармонией рационального и эмоционального начал. Достаточно вспомнить, что на раннем этапе развития философии происходила трансформация универсалий культуры в философские категории через так называемые смыслообразы, а философия имела много общего с художественными произведениями. Впоследствии эти образы становились более сухими, схематичными и уступали место более строгим понятиям.

Особенность виртуальной образности состоит в ее многомодальной способности непосредственно воздействовать на зрительные, слуховые, осязательные и даже одоральные органы чувств. Подлинный расцвет

виртуальной реальности начинается с появлением мультимедийной культуры, способной в отличие от информационной оперировать не только с “бесчувственными” симулякрами, но и с чувственными образами. Современная культура выходит в своем развитии на новый уровень, проецируясь на синкретику первобытного общества в виде актуального синтеза морали, искусства и науки, о чем опять-таки свидетельствует латинский корень *virt-*, особенно в словах английского языка.

Как показано в исследовании “Философия виртуальной реальности” [5, с. 22], в термине *virtus* постулируются недостаточность, неудовлетворенность эмпирической реальностью. Сущее и должное в нем представлены таким образом, что напоминают платоновское разделение реального и идеального. В то же время они могут быть соотносимы с аристотелевскими категориями актуального и потенциального. Более того, *virtus* предстает как “развитая”, достроенная реальность-данность. Вспомним Гегеля, который утверждал, что “философия вырастает из противоречия, разрыва между внутренним стремлением и внешней действительностью. Она, считал он, ищет прибежище в области мысли. В противовес действительному миру, который не удовлетворяет человека, философия мысленно конструирует некое идеальное царство, построенное на других эпистемологических и ценностных основаниях, которые дают человеку новые надежды и открывают перед ним новые перспективы” [2, с. 13].

Подводя некоторые итоги размышлениям о предпосылках формирования новых ценностей культуры в недрах техногенного общества, следует отметить, что в ближайшее время вряд ли произойдет кардинальная трансформация их системы. Тенденция движения от *рацио* к *эмоцио*, что проявляется в мультимедизации различных сфер

деятельности и в возникновении мультимедийной культуры, имеет достаточно условный характер. Человеческое сообщество эстетично по своей сути и вне этой формы существовать не может. За пределами этой формы находится либо животное (от слова *жить*) царство, либо мертвое царство техники, в том числе и мультимедийной. Это значит, что общество в форме чувственных отношений между индивидами, в него входящими, поддерживает баланс, состояние равновесия между эмоциональным и рациональным началом. Можно предложить и другую модель, когда “бегунок” общественного мнения или индикатор местонахождения наблюдателя за этими процессами, двигаясь по спирали от полюса эмоций к полюсу разума, рано или поздно пересекает экватор гармонии начал, обозначенных выше. Однако со всей очевидностью можно утверждать, что система культурных ценностей приобретает глобальный характер и предпосылки формирования нового культурно-генетического кода просматриваются именно под углом и с позиции глобализации культурного пространства.

Как это относится к перспективам белорусско-казахских культурных отношений, если принять во внимание, что, хотя большинство исследователей и согласно с неизбежностью глобализации в далеком или близком будущем, их спектр оценок этого процесса в настоящем времени располагается от крайне восторженных высказываний до крайне отрицательных характеристик? Нередко понятие глобализации получает негативную трактовку в связи с сужением этого понятия до объема локальной привязки к определенной стороне света (вестернизация, истернизация) либо даже к определенной стране (американизация). Предполагается, что глобализация рано или поздно приведет человечество к культурной однородности в планетарном масштабе. В этой связи

утверждается, что грядущая глобальная гомогенизация культуры уже сегодня может представлять опасность для национального разнообразия культур.

Оставаясь на позициях вышеприведенных взаимоисключающих точек зрения, говорить о том, что глобализация представляет собой вызов национальной культурной безопасности, не совсем корректно. Глобализация вовсе не является единственным магистральным развитием человечества. Для устойчивости социума процесс глобализации уже сопровождается и будет сопровождаться в дальнейшем диаметрально противоположным ему процессом локализации. При этом глобализация будет развиваться и набирать силу вовсе не с целью создания угроз национальной безопасности, а, наоборот, по причине возникновения опасностей планетарного масштаба, угрожающих не отдельному национальному образованию, но человечеству в целом. Это могут быть опасности как внешние (например, угроза со стороны космоса), так и внутренние, вызванные жизнедеятельностью человека. Только в случае объединения усилий всех наций человечество выработает систему глобальной безопасности, структура которой будет слагаться из локальных элементов. При этом чем разнообразнее будут по своим качественным характеристикам эти элементы, тем лучше будет для всей системы в целом. Более того, устойчивость системы заключается не только в разнообразии элементов ее структуры, каждый из которых выполняет свою определенную функцию в системе, а главным образом в коммуникационных связях между отдельными элементами, в информационном обмене между ними.

Поэтому процесс глобализации культуры не является в прямом смысле слова угрозой национальной культуре, будь то культура белорусская или казахская. Наши национальные культуры должны стремиться не к

глобализации, а к интернационализации. Когда интернационализация культуры достигнет глобальных масштабов, тогда появится глобальная культура, состоящая из отдельных локусов, на которые она так или иначе распадется. Но сегодня для нас важно осознать то, что интернационализация культуры является основной тенденцией в развитии культурного пространства, что предполагает обмен культурными ценностями.

Мультимедийные технологии, в том числе и Интернет, – это достаточно действенный канал для установления такого обмена. Мультимедийные технологии развешествляют пространство, а значит, уменьшают время обмена информацией, объемы которой при этом постоянно возрастают. Уже начавшее осваиваться предыдущими поколениями целинное пространство белорусско-казахских культурных связей может получить новый импульс к развитию, благодаря организации нашего интернационального интеркультурного интернет-сообщества. Давайте начнем с формирования виртуальной (в смысле идеально образцовой) реальности наших интернациональных культурных связей и постепенно будем материализовывать ее в реальной действительности.

---

1. Долгов, К.М. Техногенная цивилизация и культура человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/>.

2. Гусейнов, А.А. Философия как утопия для культуры / А.А.Гусейнов // Вопросы философии. – 2009. – № 1.

3. Сорокин, П.А. Человек, цивилизация, общество / П.А.Сорокин. – М., 1993.

4. Стёпин, В.С. Конструктивные и прогностические функции философии // В.С.Стёпин // Вопросы философии. – 2009. – № 1.

5. Таратута, Е.Е. Философия виртуальной реальности / Е.Е.Таратута. – СПб., 2007.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ